

— До чего же гадко на вкус. Неужели я забыл научить его готовить? — пробормотал Шань, потягивая суп из миски.

Помимо того, что эта похлебка дарила крохи тепла, вкус у нее был до крайности странным. С первого же глотка Шань даже не знал, стоит ли жалеть несчастное животное, чье мясо было так безнадежно испорчено.

Впрочем, если не брать в расчет вкус, в варево явно добавили какие-то снадобья. Шань почувствовал, что потоки его магии начали понемногу восстанавливаться — пускай лишь слегка, но он уже мог ими управлять.

Тело все еще ныло от боли, сознание оставалось затуманенным, но он понимал: этот суп Вэйиньсы приготовил специально для него.

От этой мысли в груди разлилось слабое тепло.

— Вэйиньсы просто капризничает, как ребенок, — уголки губ Шаня едва заметно приподнялись, и он молча убедил себя в этом.

Пусть его поведение было чересчур резким, но он не убил его, не выставил за порог, а вместо этого дал одеяло и еду. Если это не капризы, то что? Ученик капризничает перед учителем — ученик молодец, а учитель не смог вовремя понять ход его мыслей — учитель плохой.

Как бы то ни было, он понял главное: уходить не нужно.

Он допил суп, бережно поставил миску на стол, медленно поднялся и, дойдя до угла комнаты, свернулся калачиком под одеялом. Мерцание целительной магии мягко окутало его, словно зверя, в одиночку зализывающего свои раны.

Вскоре в доме воцарилась тишина, свет магических светильников погас, и комната погрузилась в густую тьму.

За окном по-прежнему завывали пески страны пустынь, словно рассказывая древнюю и печальную историю.

В доме, под одной крышей, два человека с общим прошлым — один в глубоком сне наверху, другой, свернувшись внизу, — были укрыты одной и той же тьмой.

Их связывали семь лет нестираемых следов, невидимые узы кровного родства, их запутанная, искаженная и глубокая привязанность. Привязанность, которая в грядущие дни повлияет на их судьбы самым непредсказуемым образом.

...

На следующее утро Вэйиньсы проснулся от странного, прерывистого звука.

Он открыл глаза. Солнечные лучи пробивались сквозь щели в шторах, оставляя на полу яркие пятна. В комнате было тихо, и странный шум явно доносился снизу.

Потирая ноющую переносицу, он встал с кровати, подошел к окну и распахнул его.

В лицо ударил сухой воздух, пропитанный запахом песка и утренней прохладой пустыни. Двор внизу был пуст, лишь несколько диких птиц копались в земле в поисках семян.

Значит, звук шел не с улицы. Вэйиньсы нахмурился, и тут шум повторился — на этот раз это было похоже на стук глиняных горшков друг о друга.

Брови Вэйиньсы, только было расправившиеся, вновь сошлись на переносице: — Этот старик что, разносит мою лабораторию? — Он накинул на себя первое, что попало под руку, и поспешил вниз по лестнице.

Увиденное заставило его замереть в изумлении.

Шань готовил еду?

На нем была черная рубашка с короткими рукавами, которую он явно стащил из шкафа Вэйиньсы. Размер был не по плечу, но выглядел он куда приличнее, чем во вчерашних лохмотьях. Да и сам Шань не хотел, чтобы Вэйиньсы видел на его теле следы, которые даже целительная магия не могла убрать.

Неизвестно почему, но когда они еще жили в родных краях, Вэйиньсы всегда приходил в ярость, видя, что шрамы не заживают. Шань ничего не мог с этим поделать: раны, нанесенные Вэйиньсы, были особенными. Как бы тщательно он ни лечился, следы на коже оставались — шрамы, покраснения, синяки, которые могли сойти только со временем. Тогда Шань думал, что гнев Вэйиньсы оправдан: учитель не может залечить даже такую мелочь — должно быть, он просто слишком слаб.

Сейчас же Шань стоял, держа в руке полупрозрачную емкость. Подперев подбородок ладонью, он с озадаченным видом разглядывал стоящие на столе бутылки, пытаясь понять, что из этого съедобно.

Двигался он медленно, явно теряясь в обилии немаркированных склянок, и пытался найти хоть что-то знакомое.

Серебристо-серые волосы небрежно падали на плечи, и он то и дело заправлял прядь за ухо. Чтобы лучше разглядеть содержимое, он наклонил голову и прищурил правый глаз, всем своим видом выражая предельную сосредоточенность.

Гостиная была тщательно убрана. Пыль с мебели стерта, разбросанная утварь аккуратно расставлена, даже криво висевшие на стенах карты были выровнены.

Вэйиньсы стоял у подножия лестницы, не в силах вымолвить ни слова.

Он представлял, что когда Шань очнется, то либо потребует ответа за содеянное, либо будет смотреть на него с суровым разочарованием. Он даже заранее подготовил слова, если Шань решит применить силу.

Но он никак не ожидал — и не хотел верить — в такую реакцию.

Вэйиньсы протер глаза, глядя на хлопчущего Шаня. Все выглядело настолько мирно, будто ничего ужасного не произошло. Шань вел себя как обычно, словно в лесу, делая то, что считал правильным.

О чем он вообще думает? Вэйиньсы охватила паника.

Шань, заметив его взгляд, прервал свои занятия и обернулся. На его лице не было ни тени недовольства, лишь та самая улыбка, которая так раздражала Вэйиньсы. В его голосе даже прозвучала радость: — Проснулся? Иди умойся, я приготовил завтрак.

Шань указал на дымящийся алхимический котел, от которого исходил аппетитный аромат. Впрочем, в доме и правда не нашлось ни одной нормальной кастрюли — вчерашний суп пришлось варить в глиняном горшке.

— Я не нашел подходящей посуды, как и нормальных продуктов. Поэтому утром сходил поохотиться на птиц, а в качестве гарнира использовал те растения из твоего дома, что показались мне съедобными, — Шань слегка нахмурился. — У тебя не оказалось никаких знакомых специй, так что я заменил их тем, что пахло похоже, — он потряс стеклянный флакон. — Не волнуйся, я использовал магию, чтобы нейтрализовать яды.

У Вэйиньсы от ярости вздулись вены на висках. Глубоко вдохнув и подавив шок и замешательство, он спустился по лестнице. Игнорируя слова Шаня, он холодно бросил:

— Кто позволил тебе трогать мои вещи?